

— Ладно ещё я, хотел было кого-нибудь расспросить...

Цзян И раздражённо бросил эту фразу, после чего впился зубами в куриную ножку, протянутую Бэйтан Ле. Пусть еда была приготовленной на скорую руку прямо под открытым небом, и в ней, кроме щепотки соли, не было ровным счётом ничего, дичь сама по себе оказалась достаточно вкусной, не говоря уже о том, что Цзян И был заядлым мясоедом.

Говорят, гордец не станет есть поданную с унижением подачку, но когда по-настоящему проголодаешься, всякая гордость отходит на второй план.

Бэйтан Ле проявил завидное терпение: перехватив другую ножку, он протянул её со словами:

— Что ты имеешь в виду?

— Я открыл глаза — и уже в поместье Хэлянь, ничегошеньки не знаю. Не приставай ко мне с расспросами, — Цзян И без всяких церемоний подался вперёд, зубами принимая угощение, и, продолжая пережёвывать, добавил: — С меня толку не будет, хоть запрашивай.

Эти слова звучали так, будто он упрямо не желал колотиться, но глядя на то, как Цзян И уплетает еду, Бэйтан Ле всё больше убеждался: тот просто-напросто потерял лицо и теперь махнул на всё рукой из-за напускного безразличия.

У Цзян И весь рот испачкался в масле, а руки были заняты, так что он просто высунул кончик языка и слизал жир с уголка рта.

Не будь он сейчас в столь плачевном виде, это движение могло бы показаться даже капельку соблазнительным; однако сейчас Бэйтан Ле находил его поведение донельзя грубым, хотя в этой грубости таилось нечто смутно-милое.

Не дождавшись от Бэйтан Ле следующего кусочка курицы, Цзян И поднял глаза и увидел, что этот свирепый воитель клана Хэлянь в упор разглядывает его лицо. С недовольным видом он бросил:

— У тебя что, ещё вопросы остались? Выкладывай всё разом, да перестань разрывать мясо, отдай мне целиком — отвечу я на твои вопросы.

— Правда?

— Болтовня! Я всегда держу слово.

— Ладно, широкий у тебя размах.

Произнеся это, Бэйтан Ле вытащил из ножен застрявший за поясом нож и ловко перерезал верёвки, опутывавшие Цзян И, после чего, как и обещал, протянул ему целую куриную ножку.

Цзян И не стал церемониться, обхватил ножку руками и принялся усердно обгладывать:

— ...М-м, что ты там спросить хотел, спрашивай.

Видя, что Цзян И и впрямь намерен сосредоточиться на еде, Бэйтан Ле немного ослабил бдительность. Он уселся рядом с Цзян И прямо на землю и принялся за оставшуюся у него куриную грудку.

— Тогда зайду с другой стороны, — произнёс Бэйтан Ле. — Ты ведь направился в Цзюлун — хочешь вернуться в клан Юйчи?

— Можно и так сказать.

— А при возвращении в клан Юйчи тебя кто-то встретит?

Стоило прозвучать этим словам, как движения Цзян И, грызшего куриную ножку, на мгновение замерли.

Будь он прежним Юйчи Ланем, стоило бы ему по возвращении лишь возвысить голос — и тут же нашлось бы немало желающих последовать за ним.

Но теперь он не Юйчи Лань, по крайней мере лицом. Он действительно ещё не придумал, как поступить после возвращения, однако это в любом случае лучше, чем оставаться подле Хэлянь Хэна.

Лишь спустя мгновение Цзян И ответил:

— Понятия не имею. Есть кто или нет — мне всё равно.

Все эти мелкие заминки и нерешительность не укрылись от глаз Бэйтан Ле. Тот мысленно гадал о происхождении и личности Цзян И, но зацепок было до обидного мало, так что выстроить чёткую картину не удавалось: мальчик из весёлого дома с низшим статусом, вроде бы человек клана Юйчи, но объявился в Кэчжоу.

И ладно бы Юйчи Лань не погиб насильственной смертью в ночь перед появлением Цзян И; но даже если бы Юйчи Лань заблаговременно спланировал этот шаг, подсылать мальчишку из борделя к Хэлянь Хэну выглядело совершенно неразумно. Хэлянь Хэн к тому же не питал слабости к мужчинам — куда правдоподобнее смотрелось бы отправить к нему искусного бойца с предложением о сдаче.

Чем больше Бэйтан Ле размышлял об этом, тем сильнее укреплялся в мысли, что Цзян И, пожалуй, действительно явился сюда без всякого злого умысла. Испытывая почву, он снова завёл разговор:

— Тогда откройся мне... Видишь, я специально принёс тебе поесть, так что будь добр, поделились ценной вестью?

Брови Цзян И сошлись на переносице. Раздражение и тоска на его лице неизменно вызывали жалость:

— Я иду в Цзюлун за мстью, этого мало?

— За какой мстью?

— Тогда зайдём с другого края, — видя, что Цзян И не желает распространяться, мягко подтолкнул его Бэйтан Ле. — Мстить кому? Людям из клана Юйчи? Юйчи Чуню?

— ...Ло... Чэньхуань... Ик.

Произнеся это, Цзян И громко икнул, а в его руках от куриной ножки осталась лишь голая кость.

Бэйтан Ле не обратил на это внимания — стоило прозвучать имени Ло Чэньхуаня, как он понял: на этот раз его ставка сыграла. Одержимый нетерпением, он продолжил расспросы:

— Какая мсть? Насколько глубокая? Ты в одиночку собрался мстить?

— ...Я не наелся, — отозвался Цзян И. — Насчёт этого... вяленого мяса, давай ещё немного.

— ...Ладно, — скривил губы Бэйтан Ле. — Больше двух кусков не дам... У меня у самого на исходе.

Назови Цзян И какое-нибудь безродное имя, Бэйтан Ле решил бы, что тот мелет чушь ради красного словца. Но Ло Чэньхуань — это же была правая рука и самое доверенное лицо Юйчи Ланя, человек, чьё влияние в армии Юйчи равнялось половине власти самого Юйчи Ланя! К тому же во время недавней внезапной кончины Юйчи Ланя Ло Чэньхуань находился на месте.

Стань Цзян И лгать, ему вовсе не обязательно было приплетать столь значимую фигуру.

К тому же глаза обмануть трудно: едва зашла речь об этом человеке, взгляд Цзян И явно метнулся в сторону, пытаясь скрыться.

Протянув два куска вяленого мяса, Бэйтан Ле решил ковать железо, пока горячо:

— Какая же у вас вражда, выкладывай скорее.

— ...Убийство, убийство, — запнулся Цзян И. — Короче говоря, кровная обида.

Не станет же он заявлять, будто Ло Чэньхуань убил его самого, а потому он явился мстить?

— Насколько же она глубокая, эта кровная обида? — не отставал Бэйтан Ле, докапываясь до самой сути. — Убийство сына? Похищение жены? Убийство отца? Или, может быть... любовные дела?

Последние два слова едва не заставили Цзян И подавиться вяленным мясом. Закашлявшись и яростно колотя себя в грудь, он сглотнул кусок и взвился от гнева:

— Убийство отца! Кровная месть за отца, доволен?!

— ...Вот оно как, — протянул Бэйтан Ле. — А я-то думал, это он продал тебя в заведение... Ну что ж, малыш Цзун Цзинь, как тебе такое предложение?

— М?

— Ты наверняка знаешь, каковы отношения между кланами Хэлянь и Юйчи. Наша армия Хэлянь вполне может поквитаться за тебя с твоими обидчиками, — рассудительно начал Бэйтан Ле, постепенно подбираясь к сути. — Ты ведь отлично знаешь Цзюлун? Когда доберёмся туда, тебе достаточно будет выложить всё, что тебе ведомо об информации клана Юйчи...

— Исключено, забудь об этом, даже не думай.

Перефразировав свои слова, Бэйтан Ле предложил:

— Ну хотя бы ту часть сведений, которую можно назвать...

Цзян И по-прежнему остался непреклонен:

— Нет...

— Никакой информации не потребуется.

Чужой голос прозвучал неожиданно и резко, заставив обоих в ту же секунду напрячься всем телом.

Неизвестно когда появившийся за их спинами Хэлянь Хэн застыл с тем же неизменно бесстрастным и холодным выражением лица, свысока глядя на сидевшего по-турецки на земле Цзян И.

И ведь Цзян И не расслышал ни единого шороха шагов!

Каким бы слабым ни было тело этого мальчика из весёлого дома, душа-то в нём оставалась прежней — душой Юйчи Ланя, прославленного полководца, который сызмальства лазил по чужим крышам и не раз прошёл через огонь и воду. Он давно привык находиться в опасности и неизменно подмечал малейшее движение вокруг; и тем не менее, Хэлянь Хэн подобрался вплотную так, что он не заметил ровным счетом ничего.

В мгновение ока Цзян И вскочил на ноги, кувыркнувшись и едва не упав, со звериной настороженностью на лице.

— Главный вернулся? — Бэйтан Ле сумел сохранить хладнокровие быстрее остальных. — Мы тут беседовали с ним...

— Излишне пояснять, — бросил на него косой взгляд Хэлянь Хэн. — Я всё слышал.

Уставившись на мужчину, Цзян И вспыхнул:

— Совесть потерял? Сам Хэлянь Хэн, а опускаешься до подслушивания чужих разговоров...

Бэйтан Ле виновато захлопнул рот, переводя взгляд с сурового лица Хэлянь Хэна на Цзян И — неведь что творилось с этим мальчишкой: только что, болтая с ним, он казался покладистым диким котом, готовым ластиться за кусок мяса, но стоило столкнуться нос к носу соглавноком, как он тут же ошестинивался, выгибая спину, словно собираясь броситься и вцепиться зубами в горло.

Причём сам он, казалось, этого даже не замечал.

Пока Бэйтан Ле предавался наблюдениям, Хэлянь Хэн внезапно сделал движение.

Мужчина шагнул навстречу Цзян И, в один миг сокращая расстояние. На фоне рослого воина хрупкий Цзян И казался беспомощной девчонкой; он поспешно выставил руки перед собой, ошестинившись в ожидании враждебных действий. Однако у него не осталось времени даже на то, чтобы отступить: Хэлянь Хэн молниеносно перехватил его за запястье и яростно рывком притянул к себе.

Хэлянь Хэн не походил на военачальника, ведущего войска в бой лично, но это вовсе не значило, что он скверно владел рукопашным боем.

Цзян И ощутил внезапный приступ невесомости — костёр на периферии его зрения смазался в мерцающую полосу; а когда он вновь обрёл способность видеть отчётливо, перед его глазами предстала буро-чёрная земля и угольно-чёрные полы одежд Хэлянь Хэна. Мужчина взвалил его себе на плечо.

Что за чёрт?!

В прошлый раз его нёс на плече У Сян, теперь — Хэлянь Хэн? У них в клане Хэлянь заведено носить людей исключительно на закорках?

Запоздало придя в себя, Цзян И отчаянно забился:

— Ты с ума сошёл, Хэлянь Хэн?! А ну опусти меня на землю!! Какого чёрта ты творишь?!!

Однако как бы он ни брыкался и ни изрыгал ругательства, Хэлянь Хэн оставался глух к его протестам.

Рука мужчины отличалась пугающей неподвижностью, а шаг был широк и стремителен — не прошло и нескольких мгновений, как, таща ношу на плече, он приблизился к повозке. Сидевший у входа Цзян И ел свою снедь, но стоило ему завидеть Хэлянь Хэна, как он мигом спрыгнул на землю, почтительно склонил голову в знак приветствия и тут же удалился, проявив завидную сообразительность.

Не говоря ни слова, Хэлянь Хэн одной рукой откинул полог повозки и бесцеремонно швырнул заброшенного на плечо пленника внутрь.

Голова Цзян И с глухим стуком приложилась о деревянный угол, и, сжав зубы и едва не сорвавшись на брань, он тут же заметил, как следом в повозку протиснулся Хэлянь Хэн.

Внутри царил полумрак — лишь тонкие полоски света, пробивавшиеся сквозь щёлки занавесок на боковых окнах, выхватывали мечущиеся язычки пламени, падая прямо на брови и глаза Хэлянь Хэна.

Лицо Хэлянь Хэна не предвещало ничего доброго.

Глубоко вздохнув, Цзян И с нажимом поинтересовался:

— Что, решил прикончить меня и теперь подыскиваешь подходящее местечко?

Для того чтобы разъярить Хэлянь Хэна, подобных слов было явно недостаточно. Уставившись на него, мужчина внезапно вытянул из-за пояса острый кинжал.

Похоже, он и вправду вознамерился пустить оружие в ход.

Мысленно выругавшись, Цзян И бросил быстрый взгляд по сторонам: в карете не нашлось ни единой вещицы для обороны, ни малейшего острого предмета. К тому же эта повозка изначально предназначалась лишь для одного Хэлянь Хэна, а теперь, когда они вдвоём оказались заперты в ней при таких обстоятельствах, пространство сузилось настолько, что не оставалось даже места для маневра.

Стоило кинжалу опуститься — и Хэлянь Хэн легко оборвёт его жизнь.

Но мужчина даже не думал медлить.

Блеснувший лезвием клинок со свистом метнулся к его груди; напрягая все душевные силы, Цзян И в последний момент перед ударом уклонился в сторону. Кинжал с сухим стуком вонзился в сиденье, а мужчина с непроницаемым, как застывшая вода, лицом выдернул клинок и нанёс ещё один прямой удар — теперь уже в горло Цзян И.

Понимая, что увернуться на этот раз не удастся, Цзян И инстинктивно вскинул руки и перехватил запястье Хэлянь Хэна.

Однако сдержать натиск Хэлянь Хэна ему не удалось: острие продолжало неумолимо приближаться, пока не уперлось прямо в кожу, где Цзян И с трудом удержал его изо всех сил.

Из последних сил цепляясь за жизнь, хриплым, словно продавленным сквозь сдавленное горло голосом, он процедил:

— Чего ты добиваешься...

Мужчина резко дёрнул запястьем, с лёгкостью отбросив его в сторону. Следом последовал новый выпад клинком; уворачиваясь лихорадочными движениями, Цзян И не забывал возмущаться:

— Бесстыдник ты, Хэлянь Хэн, до чего же ты бесстыден!

Уж выдал бы ему хоть какой-нибудь кинжал взамен — нападать подобным образом на лишенного возможности дать отпор человека не подобает истинному мужу.

Он собирался высказать именно это, но времени на пустые слова уже не оставалось.

Словно забавляясь с мелким зверьком, мужчина удерживал за собой все выгодные позиции, методично нанося удары по уязвимым местам.

Вздумай Хэлянь Хэн и вправду лишить его жизни, он мог сделать это бесшумно ещё тогда, при первой встрече в темноте; Цзян И мгновенно сообразил, что противник просто тешится, и, резко прервав уклонения прямо посреди движения, бросил:

— Давай же, старый пес Хэлянь, заканчивай начатое; чем терпеть твои издевательства, мне лучше сдохнуть. Делай со мной что пожелаешь, я не стану сопротивляться... Только надейся, что сможешь убить наверняка, иначе после смерти я не оставлю тебя в покое.

<http://bllate.org/book/22011/2288239>